

Отдыхающие граждане Литвы

9 мая радио сообщило, что президент Литвы А. Бразаускас примет всемирно известную балерину, ветерана русского балета Майю Плисецкую и ее мужа, не менее знаменитого композитора Родиона Щедрина. То, как президент исполняет свои едва ли не основные — репрезентативные функции, меня, признаться, не интересовало. Репрезентация, приемы, одни и те же речи («приятно видеть», «мы гордимся», «передайте наилучшие» и т. д.) — все это так знакомо...

Мы условились с нашим фотографом Б. Талайкисом съездить в Тракайский район и посмотреть усадьбу, в которой отдыхают летом наши почетные гости. Да, да, Майя Плисецкая и Родион Щедрин являются гражданами Литовской Республики, хотя, по правде говоря, приезжают на свою новую родину довольно редко — погостить, отдохнуть. Для этого имеется и небольшой дом или вилла — приобретенная ими на берегу чудного озера Стреве. Точнее, поначалу была приобретена только усадьба, старая, запущенная (землю тогда не продавали, только дома), потом уже обустроились — и небольшую дачу выстроили, и гаражи, и подсобное строение. И земля нашлась — неужели будешь портить пейзаж хозяевам замка, нашим гражданам «*hoporis casus*». Я верю, заботливые шефы, опекавшие М. Плисецкую и Р. Щедрина, делали все надежно. Так появилось гражданство. Как нарочно, случилось так, что мы заглянули в самоуправление Тракайского района. К секретарше пришли муж с женой, желающие стать гражданами Литвы, живут они здесь. Они подали заявление. Им было сказано, что экзамен по литовскому языку они вскоре смогут сдать, а что касается второго — основ Конституции Литовской Республики, — еще неясно, нет программы, что же касается гражданства — лежат еще 70 нерассмотренных заявлений, которые подали... в 1991 году. Такие, видите ли, социальные контрасты, равные права и другие приятные и не очень вещи.

Дорогу мы разузнали: в сторону Аукштадавриса до Стре-

ве, а потом вправо по дороге. Поезжайте, увидите — сразу же узнаете. Если нет, то соседей спросите.

Едем по направлению к Стреве. Поворачиваем направо. Красиво: холмы, зелень, на озере — лебеди, на дороге стоит аист. То там, то здесь окунивают картофель, то там, то здесь бродят туристы. Усадьбы Щедриных издали не видно, мы ее не находим. Спрашиваем. И про дорогу, и про Щедриных. «Хорошие, спокойные, скромные соседи», — в один голос твердят аборигены-крестьяне. У них отдыхающие покупают молоко — есть-то надо, всего не навезешь...

Шлагбаум, о котором нас предупреждали, преграждает узкую дорожку. Дальше идем пешком. И вновь преграда на пути, на сей раз — красивые металлические ворота на заборе. Хозяева усадьбы оберегают свой покой от нежданных гостей на колесах. Таких, как мы. Обходим виллу. Красиво, солидно, репрезентативно. Аккуратно. На небольшой клумбе — розы, пионы, лилии, маки. Дорожки вымощены кирпичом. Зеленая лужайка. На всякий случай звоним. Двери открывает сам хозяин, Родион Щедрин. За его спиной угадывается силуэт Майи Плисецкой и скрывается на втором этаже. Больше прима-балерину, «звезду» мирового театра мы не видели. На лице Щедрина — лед и суровость. Незванные гости, как гласит русская пословица, — хуже татарина. Мы — именно такие. Я предлагаю кратко побеседовать хотя бы здесь, во дворе, говоря, что видел их великую премьеру «Кармен-сюита» в Москве с балетом А. Алонсо... Распотить лед мне не удастся, но в комнату нас пускают. Хозяин занят — он пишет. Я вижу рукопись — это не ноты, а глава какой-то новой книги. Длинный стол завален бумагами. Никакого интервью. Я это понимаю и не прошу. Просто я хотел бы поговорить. Нет. Откуда мы узнали, что они здесь? Из печати (радио, — уточняет наш Бронюс). Что говорили? Ничего особенного, только, что вы пойдете к президенту. Пойдем. Он наш старый... запинается... знакомый. Может быть, мож-

но сфотографировать? Нет. Внимание прессы их не интересует, они и без того достаточно знамениты. А он даже не брит. Отдыхает? Давно? Нет, недавно, нет, работаю. Рыбачить? Немного. Не клюет? Не очень. Можно ли сфотографировать вашу усадьбу? Нет, не надо. Это подстегнет желающих нас отсюда поскорее выкурить. Что ж, нет, так нет. До свидания, простите за беспокойство. Нет, вы поймите, работаю, не хочу отвлекаться. Понимаю, до свидания.

Мы уходим. Понимаем, что за нами наблюдают. А фотография нужна. Их самих Бронюс сфотографирует позднее, у президента. Хорошо бы усадьбу сфотографировать. Бронюс лезет в кусты, фотографирует — работа есть работа.

Возвращаемся к машине. Встречаем соседа. Беседуем. Хорошие соседи. Аккуратные, вежливые, спокойные. Провели телефонную линию, со всем миром можно разговаривать. Только вот сосед, поселившийся по ту сторону озера, подсоединился к линии Щедриных, мешая. Ему часто вместо Щедриных иностранцы звонят. Принадлежит она какому-то «предпринимателю» В. (Влада-су, которого называют Вовкой) Мицкявичюсу. Где уж там этим Щедриным Вовку переплунуть. Вот это усадьба! Дом огромный. Еще один. И третий. Полхолма срыто, деревья вырублены (а это — Аукштадавский заказник, где местный крестьянин высушившую иву на своем поле срубить не может). И снова — все о том же. Щедрины за особые заслуги становятся гражданами Литвы — в Тракайском районном самоуправлении в очереди ждут десятки местных жителей, не имеющих подобных заслуг... Зато богатые местные Вовки по своему капиталу (Вовка недавно пригнал 18 «Тойот», через пару дней одна осталась) переплунут любых музыкантов и прима-балерин с мировую известностью.

Может быть, в этом и заключается особый аромат жизни в Литве?

Эгмонтас ЯНСОНАС.
(Еженедельник
«Республика»).

ВИЛЬНЮС.